

НОВЫЙ ТРУД ПО ГУПТСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ

В историко-культурном развитии древней Индии эпохе Гуптов по праву принадлежит одно из центральных мест. С Гуптами связано время наивысшего расцвета древнеиндийской цивилизации. Несмотря на длительное изучение этой эпохи в научной индологии, многие важные проблемы гуптской истории остаются нерешенными, требуют нового подхода к их исследованию. Наибольшую ценность для специалистов представляют надписи гуптского периода (к настоящему времени известно 55 гуптских надписей)¹. Эпиграфика позволяет с большей степенью надежности осветить те стороны жизни общества и государства, которые крайне фрагментарно восстанавливаются по данным письменных источников. Книга индийского ученого Т. Р. Шармы, посвященная гуптской ономастике и топонимике², является первым исследованием такого рода и дает ученым важный и интересный материал. Выбрав темой своей монографии личные и географические имена гуптской эпиграфики, автор книги справедливо подчеркивает, что «имена имеют неразрывную связь с социально-культурными ценностями того общества, к которому они принадлежат» (с. 14). Эту точку зрения поддерживает и известный индийский ученый Лалланджи Гопал в предисловии к этой книге: «Имена могут обеспечить нам надежный ключ к пониманию общественной и культурной жизни и служить своего рода барометром для фиксирования исторических реалий» (с. 3).

Опираясь на данные эпиграфики, Т. Р. Шарма ставит перед собой цель не только уточнить чтение и перевод уже известных надписей, но и соотнести точно датированные эпиграфические свидетельства с материалами письменных памятников, которые условно связываются с гуптской эпохой. Такой подход дает возможность отделить реальные сообщения от вымышленных и поставить исследование на надежную историческую основу. Изучение личных имен, которые зафиксированы в надписях, представляет интерес не только для собственно гуптской ономастики; значение этих материалов значительно шире. Оно позволяет подойти к реконструкции истории и культуры конкретного периода с более общих позиций, проследить становление и развитие ряда форм политической и социальной организации, проникнуть в «бытовую сферу» жизни.

Работа Т. Р. Шармы состоит из трех глав и пяти приложений. Она охватывает весь корпус эпиграфических записей, относящихся к эпохе Гуптов, снабжена картами и обширной библиографией. В первой главе книги рассматриваются следующие типы личных имен, зафиксированных в гуптских надписях: 1) имена гуптских царей и цариц, 2) имена вассальных правителей и высших чиновников, 3) имена местных чиновников, 4) имена домовладельцев, и торговцев, 5) имена брахманов, джайнов и буддистов, 6) эпические и пуранические имена, 7) женские имена.

Автор сопоставил данные надписей о принципах дарения имени с теми правилами и установлениями, которые были зафиксированы в грамматических трактатах и в традиции смрити. Имя, даваемое человеку, могло отражать его касту, род, место жительства, религиозную принадлежность, культурные и прочие особенности, а также эпоху, в которую он жил. В этой связи Т. Р. Шарма классифицирует все литературные

¹ Наиболее полную сводку надписей см. *Fleet G. F. Corpus inscriptionum, ...dicarum. V. III. Varanasi, 1883; Sircar D. S. Select Inscriptions. V. I. Calcutta, 1965.*

² *Sharma T. R. Personal and Geographical Names in the Gupta Inscriptions. Delhi, 1978.*

данные на четыре периода: 1) ведический период, 2) период сутр, 3) период смрити, 4) период нибандх.

Проанализированные автором свидетельства показывают, что различные эпохи отражали существенные изменения в правилах наречения имени и сопровождалась также качественными изменениями в символике ритуала наречения.

Так, например, в ведический период человеку, как правило, давалось два и более имен, причем одно из них было священным, или, иначе говоря, «тайным». Другие имена могли отражать имя отца или матери, деда или наставника³. Однако достаточно данных для понимания принципов наречения тайным именем ведические тексты не дают. И этот вопрос разрешается Т. Р. Шармой при привлечении источников периода сутр, в частности грихьясутр. Им проводится классификация имен по семантическим признакам и подробно описывается обряд наречения. Свидетельства грихьясутр детализируют наши представления о церемонии наречения ребенка. В отличие от общего или так называемого светского имени, которое служило для повседневного общения, «тайное» имя давалось ребенку еще до рождения. Оно было известно только родителям и лицу, исполняющему обряд наречения. Тайное имя было призвано оберегать младенца от злых духов, болезней, «сглазу» и т. д. и использовалось только при богослужении⁴.

Следующее имя давалось ребенку при обряде инициации учителем. Существовали также строгие правила выбора имени, и примерами из грихьясутр автор книги показывает, как в них отражались религиозные и другие воззрения древних индийцев.

Рассматривая периоды смрити и нибандха, Т. Р. Шарма справедливо отмечает, что в литературе этого периода уже не проводится строгих правил при наречении именем. Вся система сводится к довольно простому принципу: имя брахмана должно отражать ученость, имя кшатрия — силу, имя вайшьи — изобилие, шудр — низкое происхождение. В качестве суффикса к имени нередко присоединялись соответствующие указатели, например: для брахманов — показатель счастья и благочестия, для кшатрия — выразитель силы и защиты, для вайшьев — процветания, а для шудры — зависимости или службы. Таким образом, изучая эпиграфические документы и встречая в них имена с подобными «указателями», легко решить, к какому сословию то или иное имя относится. Этот подход автора к анализу эпиграфического материала представляется весьма ценным. Он придает свидетельствам надписей живое звучание.

Особое внимание Т. Р. Шарма уделяет трудам древнеиндийских грамматистов. Однако он не дает цельной картины эволюции взглядов древнеиндийских грамматиков, а излагает их воззрения «изолированно», т. е. как они существовали в разные периоды.

Приступая к анализу имен гуптских царей и царич, автор книги ставит их в хронологическую канву с известными в письменных сочинениях данными и останавливается подробно на принципах, на основании которых давались имена царствующим особам этого периода. Интересен анализ имени Гупта, представленный Т. Р. Шармой. Прежде всего, он подвергает сомнению распространенную в науке точку зрения о том, что основатель гуптской династии был представителем низшей касты. Анализируя материалы дхармашастр, автор книги приводит ряд примеров, в которых указываются имена брахманов, имеющих окончание «гупта» (так, известный астроном Брахмагупта был брахманом по происхождению)⁵.

Эпиграфические документы гуптской династии зачастую открываются именем ее основателя — Гупта, а иногда и Srigupta, например, в аллахабдской надписи⁶. Т. Р. Шарма полагает, что с течением времени первая часть имени была отброшена, а имя Гупта приобрело устойчивую форму и закрепилось впоследствии в качестве династийной фамилии. Имеются, однако, данные, говорящие об употреблении полного имени (Sriguptasya) гуптскими правителями: можно упомянуть, например, о двух печатях гуптской эпохи, одна из которых имеет надпись на практике, другая на санскрите⁷. Наиболее вероятно, что эти печати принадлежат основателю гуптской династии,

³ Macdonell A. A., Keith A. B. Vedic Index of Names and Subjects. V. I. Delhi, 1958, p. 444.

⁴ См. подробнее Gopal R. India of Vedic Kalpasūtras. Delhi, 1959, p. 265, 273.

⁵ Thomas F. M. The Rootgūp and the gūptas.— Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, L., 1909, p. 740—743.

⁶ Sircar. Select Inscriptions..., p. 262.

⁷ Epigraphia Indica. V. XXI. Delhi, 1933, p. 72—77.

особенно если учесть, что именно в эту эпоху санскрит стал основным языком эпиграфики.

Анализ имен гуптских царей важен для выявления и изучения религиозной ситуации в ту эпоху. Можно говорить о связи гуптских правителей с различными религиозными течениями и культами. Так, имена Кумарагупты и Скандагупты соответственно связаны с культом бога войны Сканды или Карртикеи. Ряд имен царей содержат термин *Nakṣatra* (название различных созвездий), например: Бханугупта, где *Bhanu* означает солнце. В отличие от имен царей, которые имели довольно устойчивый элемент «гупта», имена цариц данной династии в качестве составной части имели элемент «деви», что служило для отражения «божественной сущности» царских особ, например: Кумарадеви, Анаптадеви, Чандрадеви, Митрадеви и т. д.

Большой интерес представляет тот раздел работы Т. Р. Шармы, где проводится анализ имен вассальных царей и их чиновников, домовладельцев, ремесленников, торговцев и пр. Необходимо отметить, что работа такого рода проводится впервые и заслуживает самого пристального внимания. Т. Р. Шарма суммировал все имена, содержащиеся в известных нам надписях, и разделил их на следующие категории.

1. Имена, отражающие кастовую принадлежность; так, имена, оканчивающиеся на *Śarman*, принадлежат брахманам, например: *Maghaśarman* (тот, кто защищает богатство); *Rupaśarman* (тот, который прекрасный); имена, оканчивающиеся на *Varman*, *man*, — кшатриям, например: *Balavarman* (тот, который защищает силой), *Hastivarman* (*Hasti* — слон) означает смелость, доблесть и т. д.

2. Имена, отражающие профессию. Например, имена *Śreṣṭhins* (казначей) — *Hariśreṣṭhin*, *Kaivarttiśreṣṭhin*; *Kulikas* (ремесленник) — *Matidatta*, *Varadatta*; *Kāyasthas* (песец) — *Kṛṣṇadāsa*, *Rudradāsa*; *Vaniks* (торговец) — *Vasumitra*, *Bandhumitra* и т. д.

3. Имена, отражающие религиозную принадлежность. Сюда включены имена не только буддистов, джайнов и индуистов, но и те имена, которые отражают культовые верования, например, культ кобры (*Kakṣavaka* — *Naga*), хранительницы семейного очага. В качестве примеров можно привести следующие имена: буддийские — *Santideva*, *Buddhamitra*; джайнские — *Bhaṭisoma*, *Gośarman*, *Guhanandin*; индуистские — *Iśvaracandra*, *Mahasena*, *Gopāla* и т. д. Анализ имен царей, цариц, высших чиновников и т. д. показывает, что шиваитские и вишнуитские имена преобладали на протяжении данной эпохи, их количество составляет весьма внушительную цифру — 96, в то время как джайнские и буддийские, вместе взятые, насчитывают 19. Таким образом, можно сказать, что в эпоху Гуптов индуизм занимает центральное место. Гуптские цари в целом проводили политику религиозной терпимости, а «сосуществование и тесное переплетение буддизма и джайнизма с шиваизмом и вишнуизмом — одна из характернейших черт религиозного синкретизма»⁸ в этот период.

4. Эпические и пуранические имена (всего 12) указывают на популярность эпоса и пуран и их традиций.

В целом проведенный Т. Р. Шармой анализ царских имен и имен гуптских сановников чрезвычайно важен для понимания процессов, происходивших в политической и культурной жизни рассматриваемой эпохи. Он позволяет выявить идеологическую атмосферу гуптского периода и установить религиозную принадлежность гуптских правителей. К сожалению, автор книги не рассматривает имена в хронологической последовательности, а это, в свою очередь, могло бы показать происходившие изменения в религиозных воззрениях гуптских царей поэтапно.

Специальная глава книги посвящена анализу названий племен гуптского периода. Необходимо отметить, что автор не ограничивается этимологическими изысканиями. В первую очередь Т. Р. Шарма затрагивает такую важную проблему, как возникновение древнеиндийских государств с немонархической формой правления — ган и сангх. К сожалению, он не прослеживает историю развития этих государств и не выявляет особенности их внутреннего политического устройства, что значительно снижает уровень его публикации. Т. Р. Шарма дает лишь беглый обзор имеющихся в индологической литературе точек зрения по этим вопросам. Проблема республиканской власти в древней Индии чрезвычайно важна. На некоторых вопросах, которые непосредствен-

⁸ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969, с. 535.

но вытекают из приводимого в книге материала, следует остановиться несколько подробнее.

Вопрос о происхождении республиканских образований до сих пор остается нерешенным. Можно согласиться с мнением Т. Р. Шармы, что более поздние республики (ганы) образовались из ведических ган — племенных организаций (с. 123), однако ганы являлись предшественницей не только республиканских ган, но и монархических образований. Из родоплеменных коллективов ведической эпохи выростали классовые общества, а затем и государства, причем в зависимости от характера этого развития (соотношение сил в обществе, роли аристократических элементов, конкретной обстановки и т. д.) они могли принимать форму как монархическую, так и республиканских государств⁹.

Т. Р. Шарма обращает наше внимание на этимологию терминов «гана» и «сангха», ибо их определение вызывает и поныне споры среди ученых¹⁰. Gana образовано от глагола *gan* — считать — и имеет множество значений: «объединение», «союз», «толпа», «свита», «собрание» и т. д.; *Sangha* — «группа», «общество», «община» и т. д. Можно думать, что термины «гана» и «сангха» — синонимы, и отличия следует искать лишь в социальной структуре самих образований. Среди древнеиндийских источников, содержащих данные о ганах и сангхах, автор книги выделяет грамматический труд Панини — «Аштадхьяя» (V—III вв. до н. э.) и известный политический трактат «Артхашастра». Особая ценность приводимых Панини данных о сангхах заключается в их нетенденциозном характере. Используемый Панини термин *sangha* со временем начинает выступать в значении буддийской общины, республики уже не обозначаются этим термином, только термин *gana* сохраняет свой первоначальный смысл¹¹.

Анализируя свидетельства Артхашастры, автор заостряет внимание на тех данных, которые раскрывают политику монархий по отношению к сангхам. В целом же древнеиндийские источники, которые отражают уже эпоху создания и развития государств, понимают под сангхами и ганами, как правило, политические образования, отличающиеся по своей политической организации от монархии. Уже Панини особо различал монархии и немонархические образования и подразделял правление в странах на две категории: первая — власть монарха и вторая — власть «ганы»¹². Аналогичные разграничения встречаются во многих сочинениях буддизма и джайнизма. Сангхи, как самостоятельные и отличные от монархических государств, выделяли и греческие авторы.

Таким образом, древнеиндийские источники дают нам сведения о ганах и сангхах как политических образованиях, стоявших на различной ступени общественной организации, противопоставляющихся монархиям по форме политической власти. Республиканские ганы прошли долгий путь исторического развития. Как в государстве Маурьев, так и в империи Гуптов некоторые из них были поглощены более мощными политическими образованиями или же уничтожены властителями правящей династии, хотя некоторым высоко развитым, с значительным военным потенциалом удалось сохранить статус автономии. Так, племена *Malavas*, *Arjunayānas*, *Yaudheyas*, *Madras* становятся данниками царя Самудрагупты, сохраняя при этом свою внутреннюю автономию. Их территории никогда не управлялись непосредственно Гуптами, и поэтому их республиканские институты не могли попасть под их влияние.

Большой интерес представляет раздел работы Т. Р. Шармы, который посвящен анализу названий племен гуптского периода. В эпиграфическом материале автор обнаружил 23 названия древнеиндийских племен. Т. Р. Шарма полагает, что название, закрепленное за определенным племенем, не всегда может реально отражать этническую или географическую принадлежность того или иного объединения людей или племени. Поэтому восстановление первоначального названия отдельных племен остается гипотетичным, так как неизвестно, дало ли племя название местности, либо наоборот, по месту обитания племя получило свое название. Например, нам известно, что место Видеха (*Videha*) получило свое наименование от племени Видегха (*Videgha*), которым пра-

⁹ *Bongard-Levin G. M.* Республики в древней Индии. — ВДИ, 1966, № 3, с. 34.

¹⁰ *Altekar A. S.* State and Government in Ancient India. Delhi, 1972, p. 109—111; *Thapar R.* A History of India. V. I. L., 1972.

¹¹ *Mukerji Sh.* The Republican in Ancient India. Delhi, 1969, p. 132.

¹² *Jayasval K. P.* Hindu Polity. Bangalor, 1955, p. 29.

вил царь Матхава. Известны и такие примеры, когда само название одного племени переносилось на территорию, куда это племя мигрировало. В результате анализа древнеиндийской литературы автор приходит к заключению, что этимология таких племен, как Yaudheya, Arjunaṣṭra, Madracas, восходит к именам собственным (с. 178).

Из 23 названий древнеиндийских племен автор особо выделяет племена иного, чем индийские, этнокультурного происхождения (Daivarputra, Hūna, Mleccha). В этой связи огромный интерес представляет упоминание в гуптской эпиграфике названия Mleccha, под которым обычно понимались племена неарийского происхождения и не говорящие на санскрите.

У исследователей до сих пор нет единого мнения о том, кого следует понимать под определением *млеच्छа* в надписях гуптских царей. Столь же противоречивы мнения о происхождении самого термина. Например, Роберт Шафер санскритский термин Mleccha возводит к прототибетскому Mtše (язык) — старотибетский Ltše, где комбинация первоначальных согласных звуков (mlts) упрощалась различными путями в разных тибето-бирманских языках. В старотибетском придыхание не могло иметь место после L; и прототибетская форма могла бы быть mlts, насколько мы знаем; таким образом, ssha санскритского mleccha может подходить ближе к примитивному африкату, чем что-либо сохранившееся в тибето-бирманских языках. Поскольку mltsche было бы невозможной комбинацией в санскрите, *млеच्छа* было бы наиболее близким воспроизведением слова, на которое способен говорящий на санскрите.

Другая, не менее интересная точка зрения по этому вопросу высказана А. Парполой и С. Парполой, которые предложили отождествить санскритский термин Mleccha с географическим названием Meluhha, встречающимся в текстах древней Месопотамии¹³. Оригинальную разработку этой гипотезы дает Вяч. Вс. Иванов¹⁴. К сожалению, вопрос об этимологии этого названия не привлек внимания Т. Р. Шармы. В целом анализ названий племен, проведенный Т. Р. Шармой, дает богатый справочный материал для историков, лингвистов, этнографов.

Специальная глава книги посвящена анализу всего корпуса географических названий, встречающихся в эпиграфике Гуптов. Т. Р. Шарма объединяет все известные топонимы в хронологическом порядке и исследует их по трем основным принципам: 1) исходные термины и их значение, 2) суффиксы и их значение, 3) синтез известных данных. Такой подход в изучении топонимики позволяет автору глубже проникнуть в культуру прошлого и сравнить ее с культурой современной. Т. Р. Шарма отмечает, что страны, города, горы и реки в основном получали свое наименование после каких-либо знаменательных событий или в честь какого-либо героя или завоевателя. Однако в науке существует и более подробная классификация названий, принадлежащая Х. Д. Санкалии¹⁵.

Попытки анализа причин названий той или иной местности известны в Индии со времен Панини, который использовал этимологический принцип. Проводимый им анализ лежащих в основе топонимов значений убедительно показывает, что происхождение названий местностей не случайно, а является результатом социально-исторических условий, с которыми тесно связана община¹⁶. В качестве замечания к этой главе можно отметить, что здесь отсутствует полемический характер, все сведения приводятся в качестве лаконичных справок. Кроме этого, автором книги не учтены работы по топонимическим изысканиям за последние годы; к настоящему времени в этой области больших достижений добились советские ученые.

В целом книга Т. Р. Шармы, содержащая богатейший фактологический материал, является ценным исследованием и безусловно привлечет внимание индологов, и прежде всего, специалистов по истории и культуре эпохи Гуптов.

Л. Р. Фурцева

¹³ Parpola A., Parpola S. On the Relationship of the Sumerian Toponym Meluhha and Sanskrit Mleccha.— *Studia Orientalia*. V. 46. Helsinki, 1975, p. 205—238.

¹⁴ Иванов Вяч. Вс. К истории значений санскритского Mleccha.— В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура, ч. I, М., 1979, с. 208—219.

¹⁵ Sankalia H. D. Studies in the Historical and Cultural Geography and Ethnography of Gujarat. Poona, 1949, p. 47.

¹⁶ Ibid., p. 46.